

[Тот факт, что он не вел дневник, показывает, насколько он был занят. Эта запись сделана через неделю после нападения на Эдем].

— Глава, тебе не стоит больше ввязываться в бои, — хмуро сказал Ким Чхоль, закатывая мне рукав, чтобы взять кровь. Ученый из лаборатории, смотревший на результат анализов, выглядел таким же мрачным.

В его словах была печаль и забота, но я чувствовал его грусть еще сильнее, потому что он знал, зачем я всё это делаю. Я аккуратно закатал рукав, на лице не было никаких эмоций.

— Я же не просто так говорю. Чем больше ты вступаешь в контакт с тварями, тем сильнее идет мутация. И это не совпадение, сам понимаешь... — продолжает врач, видя, что я молчу.

Теперь в его голосе слышалась настойчивость, но он не договорил, потому что я так же молча поднялся и стал натягивать куртку.

Анализ крови берут раз в день, и этим двоим пришлось немало потрудиться, чтобы следить за моим состоянием, пока Эдем в смятении.

Совсем недавно они делились радостными новостями о моей медленной скорости мутации, а теперь начали мрачнеть, хотя я утверждал, что до дня превращения в мутанта еще далеко.

Законы Города, какими мы их знали, в тот день были перевернуты с ног на голову, когда твари нахлынули гигантской волной. Не желая сдаваться, они продолжают атаковать Эдем день за днем, заставляя жителей прекратить всякую жизнь и вставать на защиту.

"Мы знаем, что вы там, и мы вас съедим"

Люди не могут спокойно спать по ночам, не говоря уже о том, чтобы выйти на улицу, потому что монстры, кажется, воют в любое время дня и ночи. Вот уже неделя идёт, а они продолжают это делать.

Жители начали уставать, в их глазах больше не было надежды. Это было похоже на падение в бесконечную пропасть

Поэтому я не мог сидеть без дела. Куда ни подойдёшь к стене, а люди уже собирались на бой, раненые бросали в монстров копья, не заботясь даже о собственных ранах. Здесь никто не убегает. Как я держу своих близких в стенах, так и они держатся бесконечно, с той же мотивацией и миссией, что и я.

Каждый день — это битва. Я бросался в бой, и вполне естественно, что запятнан черной кровью, и пока твари умирают от моих рук, моя собственная мутация ускоряется.

Тот, кто хочет иметь дело с чудовищами, остерегается сам стать таковым. Возможно, я забыл об этом изречении, и мне приходилось иметь дело с ними. Чем больше я спасаю людей, тем больше погибаю сам, и от этой мысли у меня заболел живот и закружилась голова.

— С завтрашнего дня я не буду сдавать анализы.

— Господин Глава!

— Дон Юн!

Ученый вскочил на ноги от удивления, услышав мои слова, а Ким Чхоль запротестовал, назвав меня по имени в редком случае. Они всегда хорошо подчинялись приказам, но тут застыли, словно не могли выполнить этот. Но я снова качаю головой и заглушаю протесты, потому что и без этого знаю, что со мной происходит.

Мое восприятие времени расширялось, и я чувствовал присутствие монстров, даже не поворачивая головы. Стреляя, уже не промахивался, а сила выросла настолько, что я мог размозжить твари череп лишь рукоятью своего меча. А иногда убивал их, когда они еще были без сознания.

Черная кровь никогда не высыхала на моих руках, да, прямо как у мутантов. Я повернулся двоим с каменным выражением лица и тихо ответил.

— Людей не хватает. Лучше продолжайте изучать монстров и позаботьтесь о раненых в госпитале.

Для Эдема это была ежедневная борьба. Но это не означало, что те, кто не сражался с существами внутри, были в порядке. Пока мы сражались с ними, мирные жители бежали на помощь.

Раненых быстро доставляют в больницу, а оставшиеся люди перемещаются и распределяются скоординированно, без лишней суеты. Без помощи горожан "боевики" давно бы выдохлись и либо ушли в отставку, либо были бы убиты врагом.

То же самое можно сказать о больнице и лаборатории, которые используют все свои ресурсы. Лаборатория уже три дня работает без перерыва, и больница, принимающая десятки пациентов в час, страдает не меньше, чем мы, сражающиеся на стене. Я не мог дать им передышку, но и не мог найти в себе силы приказать им воевать.

[Дон Юн, мне нужно, чтобы ты подошел ко мне на минутку.]

Пока я думал, как их успокоить, из рации раздался голос старика. Надо идти, я не могу игнорировать просьбу Старого.

Мужчины окончательно сдались спорить со мной и просто отошли в сторону. Стараясь не встречаться с ними взглядом, я достал рацию и сказал старику, что уже иду.

— Дон Юн... — раздался позади тихий голос Ким Чхоля, который схватил меня за руку, когда я уже был у двери.

Не в силах отмахнуться от глубокой печали и усталости в его голосе, я остановил руку, так и не притронувшись к дверной ручке. Посмотрел на Ким Чхоля и в изнеможении облизал пересохшие губы.

— Конечно, есть много людей, которые приходят в больницу из-за травм, но еще больше тех, кто там из-за страха. Психозы, триггеры, галлюцинации, слуховые галлюцинации, посттравматическое стрессовое расстройство...Людей, нуждающихся в психиатрической помощи, слишком много, чтобы перечислить их всех, но причина, по которой они еще не развалились, в том, что Эдем силен.

Тяжелая ноша лежит на моих плечах. Куда бы я ни шел, люди провожают меня взглядом, я слышу их голоса. Всё это проходит в сердце, и, как никто другой, я понимаю, что имеет в виду врач.

Я для них лидер, должен идти впереди и не смею проявить слабость. И это одна из причин, по которой они продолжают упорно отражать атаки тварей.

— И я....Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Ким Чхоль всегда заботился о моем здоровье. Сейчас он снял очки, открывая усталые глаза с темными кругами от недосыпа. В светлых волосах появились седые волоски, но беспокойство, с которым он всегда смотрел на меня, ничуть не изменилось.

— Дон Юн.

Как только я выхожу из больницы, где слышны стоны раненых, Старый уже ждет меня на улице, протягивая винтовку и меч. Беру у него оружие, глубоко вдыхая дурманящий запах пороха, который проникает в ноздри. Черный дым неумолимо поднимается от стены и обочины Эдема, спокойствие которого теперь исчезло. Я громко вздыхаю, идя по крови и гильзам. Старик пришел не один.

— Сколько еще огневой мощи? — спрашиваю сначала у Очкарика, который роется в стопке грязных бумаг в руках, а затем протягивает мне страницу с замысловатыми расчетами и ответами, стараясь скрыть страх в голосе.

— За последнюю неделю мы израсходовали больше, чем когда-либо в Эдеме, и если продолжим в том же духе, то продержимся всего три дня.

Бывший Глава Эдема работал, как трудолюбивый муравей, чтобы сохранить оружие на будущее, однако почти все его запасы мы почти использовали.

Количество магазинов, выдаваемых стражам, начало уменьшаться, а синяки от недосыпа под глазами Очкарика с каждым разом становились все темнее. Я посочувствовал и передал бумаги обратно, спрашивая.

— Арбалеты в производстве?

— Да, господин Теолбо работает над этим вместе с командой инженеров. Однако нам очень не хватает материалов...

Нельзя сравнивать автоматизацию и ручной труд. Сколько бы людей ни было мобилизовано, они никогда не смогут справиться с тем количеством болтов, которое расходуется в день.

Я нахмурил брови от неутешительных известий и, пожелав инженерам удачи, перевел разговор на следующий пункт повестки дня. Оживленное собрание посреди дороги ожидало моего решения по нескольким направлениям, и после десяти минут ожидания я наконец повернул голову в сторону старика.

— Где была попытка прорваться на этот раз? Уже поздно, пойдем.

День за днем твари атаковали Эдем. Иногда небольшими группами, а иногда более сотни. Нападали беспорядочно и непредсказуемо, поэтому приходилось постоянно держать охрану на стенах, чтобы не пропустить их прихода.

Наша команда спасателей давно разделилась и стала командирами групп у каждой стены для менее опытных в бою и для стражей. А я был вечно вооруженным офицером внутренних дел, ответственным за отправку поддержки к стенам, которым, по нашему мнению, могла понадобиться помощь.

Я начал поторапливаться, гадая, будет ли так же и в этот раз, но Старый, нехарактерно для него, покачал головой и крепко сжал мое плечо. Лицо старика выглядело странно мрачным.

— Дон Юн, мне нужно, чтобы ты пошел со мной в одно место.

Старик не звал меня на помощь на Стену. Да, если подумать, в часовых сводках уже давно не слышно ни звука. Возможно, это был тот самый редкий перерыв, так зачем старику, который должен быть в гуще событий, звать меня?

Но прежде чем успеваю спросить, зачем, я ловлю взгляд полуприкрытых от грусти глаз Старого и читаю в них намерение пока помолчать. Старик похлопал меня по плечу, и пошёл, не говоря ни слова. Я последовал за ним по прохладным, продуваемым ветром улицам Эдема.

Мы прибыли в жилой комплекс, в котором жили, когда только-только приехали в Эдем. Конечно, сейчас, когда все работают над защитой стен, здесь пустынно, лишь изредка доносятся запахи готовки, и старик, с которым я приехал, ловко ведет меня по узкому переулку к довольно ветхому дому. Странное ощущение холода охватило меня, и я почувствовал знакомый запах, поднимаясь по лестнице на третий этаж.

— Вы пришли.

На третьем этаже я обнаружил служащего, который стоял в дверном проеме. Он был одет в униформу и белые перчатки, в руках держал небольшую бумажную коробку, в которой что-то лежало, и лицо служащего, державшего коробку, мало чем отличалось от лица старика, неподвижно стоявшего рядом со мной.

— Хорошая работа, можете идти, — тихо сказал Старый.

Мужчина поклонился нам и вышел. Звук шагов служащего, спускающегося по лестнице, эхом отозвался в тишине. Я повернул голову и направился к входной двери, откуда доносился знакомый запах.

Дверь не была открыта, но дул ветерок, и, в отличие от весеннего ветерка на улице, он был холодным, как зима, неся с собой настоящее чувство безысходности. Комнаты ветхого дома, хотя и небольшие, были усеяны свидетельствами того, что здесь жили люди.

Красивая одежда, детские игрушки. Еще сохранился запах детской смеси. Я заметил небольшую семейную фотографию, висевшую в центре главной спальни, и в то же время заметил два черных пластиковых пакета.

Медленно подошел, опустился на одно колено и осторожно приоткрыл плёнку: в одном мешке была женщина, видимо, молодая мать, а в другом совсем маленький младенец.

Моя рука задрожала, а Старый, неслышно подойдя сзади, накинул черную пленку обратно на трупы и сказал.

— Полиция нашла их сегодня утром. Она покончила с собой прошлой ночью.

— Почему?— спросил я, обращаясь к старику, но мог бы ответить и сам.

Почему мать с ребенком, которому только что исполнился год, покончила с собой? Почему она должна была покончить с жизнью своего ребенка в этот момент, когда выжила?

Я позволил себе полностью принять те чувства, которые подсказывало мне сердце, и вместо обиды и жалости к ним ощутил опустошение.

Старый проводит рукой по лицу и втягивает воздух.

— Ее муж был стражником у главных Ворот, и три дня назад, сражаясь с тварями, он потерял опору и....

Старик не закончил длинное предложение, но мы с ним оба знали, что оно означает.

Он потерял опору и упал со стены. Нашли ли тело? Нет, потому что он упал в самую гущу тварей.

И я был зол на себя за то, что повел себя так неподобающе для Главы. Голос постоянно дрожал, а сердце, которое никогда не трепетало перед лицом тысячи тварей, колотилось от чувства вины.

— Мы...мы могли бы им помочь... Взять на попечение, а не оплакивать..... Место для сна, место для купания..... Мы можем все это сделать, так почему же....?

— Ох, Дон Юн...

Я заикался, не в силах закончить фразу. Старик рядом молча выслушал мой лепет и в конце концов сжал мою руку в своей.

Мне очень жаль.

Самоубийство. Это слово показалось более мрачным и страшным, чем смерть от того, что твари разорвали человека на части.

Они просто умерли, отказавшись от всего. Столкнувшись с первым самоубийством со дня жизни в Эдеме, я на мгновение потерял дар речи.

Я думал, что нам нужно просто держаться. Думал, если успешно отбиваться от тварей и обеспечить достаточным количеством необходимых для жизни вещей мою команду и жителей Эдема, то мы сможем выжить.

Но не голод и истощение разъедали нас, а тревога и мысли о том, что завтрашнего дня может

не быть. Неужели это конец, смерть, которая нас ждет?

Мне нужна надежда.

Бремя сдавливает тело, Адское пламя обжигает сердце, выжигая его до черноты и вселяя беспомощность. Я не Бог и не герой, но постоянно задаю себе подобные вопросы и пытаюсь найти выход.

Перед глазами проплывали лица отряда, детишек, а теперь и эта погибшая женщина с ребенком. Воспоминания снова заставили действовать. Я осторожно расправил край черного мешка, сжимая в другой руке оружие. Затем повернулся к Старому.

— Скажи отряду и офицерам, пусть после заката придут ко мне в кабинет. Всех не нужно, только самый минимум.

Стычки с тварями, продолжавшиеся уже неделю, парализовали остальную работу Эдема. Бесконечный поток врагов просто не давал сосредоточиться на чём-то другом.

Но сейчас, увидев трупы, я понял, что у нас появилась еще одна проблема. Это было похоже на пробуждение после сна, когда ты на время забыл о том, что тебя беспокоит.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4875859>